

ДЕВЮ

«Россия — дивная страна,
— кузница культуры, сорри»
Андрей Гаврилов — Газете

персона

«Власть портит людей — на себе замечая»

знаменитый пианист
Андрей Гаврилов — Газете

Андрей Гаврилов: «Я знаю, что говорю, и за каждое слово заплатил кровью» Фотограф: Франк Вильягра/Газета

Музыкант, знаменитый не только игрой, но и резкими высказываниями по любым поводам, и о дирижерах в частности, сегодня сам станет дирижером. В Московском международном доме музыки Андрей Гаврилов исполнит семь клавирных концертов Баха как пианист и дирижер одновременно. О возникновении этого замысла и о многом другом Андрей Гаврилов рассказал корреспонденту Газеты Илье Овчинникову.

Почему ты решил выступить как дирижер?

Лишь затем, чтобы не было испорченного телефона. Подготавливая такой громадный пласт музыки, я вкладываю туда бешеное количество идей, чувств, мыслей, исследований. Я не отношусь пренебрежительно к господину за пультом; он должен перечувствовать и переработать все то же, что и я, но это невозможно. Тогда я выхожу на прямой контакт с музыкантами. А если вспомнить историю развития оркестра, то до начала XIX века работу дирижера выполнял первый скрипач.

Лев Маркиз, прошедший путь от первого скрипача до дирижера, недавно говорил мне, что совмещать дирижирование и игру, по его мнению, удастся только Даниэлю Баренбойму.

На мой взгляд, у Баренбойма одинаково неважно играют и оркестр, и он сам. Над этим надо трудиться, а Баренбойм работает мало-мало. Талантливый человек, но уже лет тридцать как бросил заниматься. А вообще это вполне можно сделать профессионально. Думаю, что и Паганини, и Лист отлично справлялись. Дирижер нужен, когда оркестр разрастается до сотни людей, когда их нужно синхронизировать.

То есть дело не в твоих дирижерских амбициях?

Конечно, нет. Я ненавижу дирижерскую профессию, власть портит людей — на себе замечая. Первую репетицию концерта я начал в своем стиле — интеллигентно, внимательно, прислушиваясь к мнению коллектива. Потом стал понемножку повышать голос. Ого, думаю, за пять часов я превращаюсь в то, чем не хотел бы быть. А если человек делает это своей профессией, волеи-неволеи ему приходится показывать диктаторскую жилку. И каждый день ходить на работу.

Семь концертов Баха в один вечер — не слишком ли много?

Премьера программы в Германии показала, что этого мало! Публика просила еще. Играл Штутгартский камерный оркестр, дирижировал Маркус Бош. Испорченного телефона не получилось, он мой друг. Я хотел сделать обычную баховскую программу из четырех концертов, но швейцарский пианист Петер Аронски стал меня убеждать сыграть семь концертов за вечер. Он считал, что надо сделать подарок Баху, ведь 21 марта ему исполнилось триста девятнадцать лет! Меня уломали, но подготовка заняла около пятидесяти дней шестнадцатичасовой работы. Барочная музыка — не то, что романтическая: здесь нельзя выехать на энтузиазме, рванув тельняшку на груди. А романтический концерт за сутки можно выучить. Однажды я за несколько часов выучил сонату Прокофьева.

Но с Прокофьевым на одной тельняшке не выедешь.

(Убежденно.) Выедешь. Я за три с половиной часа выучил восьмую сонату. Сыграл. Упал в обморок. Забыл. Через восемь лет снова учил. Такие переходы с музыкой после баховского времени. Начиная с Моцарта, это уже можно делать, а с Бахом — никак. Будь любезен, изволь отдать ему требуемую тысячу часов.

В последние годы ты часто приезжаешь в Россию. Между тем от наших музыкантов, уехавших на Запад, мне приходилось слышать, что свои приезды в Россию они расценивают как моменты слабости.

Какая чушь! Неужели кто-то так может сказать? Ничего себе. (Закуривает.) Россия — дивная страна, которая всегда останется моей Родиной, как меня здесь ни дубасили. Россия — кузница культуры, сорри. Как же сюда не приезжать! Разумеется, большие деньги здесь не делают, я играю почти бесплатно. Ведь я и с агентами не общаюсь, я через это прошел и больше не хочу. Сохранить гибкость, целомудрие, целеустремленность, перфекционизм — почти невозможно. Я пошел другим путем, как господин Ульянов; мне удалось найти богатых людей, которые нанимали, что в меня стоило вложить средства. Для своих коллекций они покупают полтона ценной полтора-два миллиона, а я человек скромный. Мне нужно приехать в Москву или Нью-Йорк, сыграть программу и не думать о билете экономического класса. Конечно, бывают промоутеры, предлагающие большой гонорар; но есть преграда красивой публикой, которая не может заплатить и для которой я очень хочу играть. Одно из таких мест — Москва, где музицирование

доставляет мне огромное наслаждение.

Я чувствую людей, говорю с моим народом на одном языке, и это особенно приятно. Высокое искусство нельзя продавать, а с конца шестидесятых всем понравилось делать на этом большие деньги. Все потеряло остроту, дерзновенность... А я был мальчишкой-идеалистом и мечтал о духовных дерзаниях высочайшего полета, бетховенских масштабов. Вот картина, которую я рисовал в шесть лет. Мы жили на Башиловке, тогда уничтожали старую Москву. У меня раскалывалось сердце, этому деревянному домику оставалось жить несколько часов. Я смотрел из окна и рисовал, стараясь показать теплоту уходящей Москвы. Когда мама рисунок увидела, то только вздохнула.

Как правило, ты более чем критично высказываешься о дирижерах...

Я не люблю нечестного и фальшивого отношения. И за это критикую беспощадно. Однажды с Сейджи Озавой мы играли концерт Чайковского. В первое отделение он ставит покойного композитора XX века Блахера. Прихожу на репетицию, Сейджи занят Блахером. Просит меня прийти завтра в восемь утра. Я прихожу, а он появляется только в десять, не совсем трезвый. Опять Чайковского побоку — Сейджи думает только о своем успехе с Блахером. В конце концов Озава говорит, что берлинцы и так сыграют Чайковского. А играют-то они клишированными темпами, и когда дошло до дела, то они, конечно, облажались. Что я мог после этого сделать? Только немножко посмеяться над Озавой. Стал играть бисы, сыграл пять штук, а он сидел на подиуме, слушал и трясся от злости. (Смеется.) Это была моя маленькая месть. Но заслуженная же, ведь правда? Я не вру. Врать трудно. Я очень люблю говорить правду. Просто это часто шокирует, люди привыкли к другим отношениям.

Еще бы! Твое недавнее интервью вызвало бурную реакцию Николая Петрова и Валентины Берлинского, напечатавших свои отзывы. Хотя твои оценки были такими же прямыми, как и всегда.

Абсолютно. Только насчет бассейна, который так возмутил Петрова, я ошибся. Там не 500 квадратных метров, а 540. На самом деле там три бассейна: теплый, холодный и джакузи. И еще бар на 25 мест. Я впервые получил доступ к лучшим интерьерам и хотел поиграть. Это была детская забава стоимостью два с половиной миллиона марок. Потом я в этот бассейн и не спустился, но мне было интересно на него посмотреть. А Петров — временщик, на безвременье он нашел для себя комфортную нишу, но сейчас и она может уйти. В условиях настоящей конкуренции, когда товар необходимо показать лицом, у человека начинается истерика. Он жаден, антикультурен и неадекватно умен. Такая комбинация к искусству отношения не имеет.

Наибольшее возмущение Петрова и Берлинского вызвали твои слова о трехклассном образовании Рихтера.

Он и сам этого не скрывал. Он ненавидел школу, мечтал взорвать все школы на планете одним ударом. Такой у него характер был, обижаться здесь не на что. Например, Исаак Стерн в каждом интервью рассказывал, что убежал из первого класса школы, и гордился этим. Рихтер тоже был такой. В первых трех классах он подчинялся, а потом смог бойкотировать то, что навязывалось обществом. Поэтому в том интервью все — правда.

На московском концерте 2001 года многих удивили твои манеры рок-звезды: длинные волосы, рубаха навыпуск, золотая цепь. После каждого сочинения ты высккивал из-за рояля еще до начала аплодисментов. Это эпатаж или что-то другое?

Слова «эпатаж» я раньше вообще не знал, только тут его выучил. Что касается цепочки, — такое у меня тогда было настроение. Насчет выпрыгивания из-за рояля: когда ты играешь с такой отдачей и с такой концентрацией физического веса в каждом кончике пальца, то по завершении игры тебя просто отбрасывает от инструмента. Я радовался, что попадаю к людям после семнадцати лет отсутствия в России и семи лет духовного кризиса, когда я вообще не играл. До кризиса у меня была вера в свой путь, в честность того, что я делал, но уверенности не было. До сорока пяти лет я не позволял себе рта раскрывать. Все мои интервью были: «да», «спасибо», «очень хорошо». Говорить о чем-то ты можешь, лишь когда у тебя за плечами есть безусловный опыт, количество пережитого и передуманного. Когда

я это почувствовал, то позволил себе открывать рот на серьезные темы. Поэтому открываю я его радикально. Я знаю, что говорю, и за каждое слово заплатил кровью. Буквально за несколько месяцев в душе возник какой-то золотой фундамент, который уже поколебим. Видимо, всю жизнь он откладывался, а потом я его почувствовал. Теперь мне интересна каждая секунда бытия: как разговор с тобой, так и разговор с Бахом. Мне нужно было отдать Баху сорок пять дней бешеной работы, а потом Бах сказал: «Андрей, ты можешь ехать». Я хочу сделать с этим циклом мировое турне, ведь поп-музыка Баха — такое чудо! (Смеется.) Основная профессия Баха — служба кантором и создание религиозных сочинений, но когда он мог, как говорят в России, оторваться, то отрывался по высшей программе.

Кого-то наверняка покоробит, что ты называешь это поп-музыкой.

А это и есть поп-музыка. Иоганну Себастьяновичу привезли двадцать партитур, наиболее популярных в Италии и Голландии, и предложили их обработать. Бах с восторгом согласился, обработал в момент, но семь концертов осталось, а тринадцать потеряно. Его старший сын их продал.

Каким будет твой следующий большой проект?

«Гольдберг-вариации» Баха. Был такой граф Кайзерлинг, служил при четырех дворах, наверняка был шпионом, обожал музыку, страдал бессонницей. Чтобы коротать ночи, он заказал Баху опус подлиннее и поспокойнее. Бах настолько возгорелся, что спокойной оказалась только главная тема. Кайзерлинг очень смеялся и сказал, что теперь точно не заснет. Бах такого туда втемяшил... Там цитируется песенка со словами «хочу с тобой в пуховую кровать, но я не прочь с тобой и на соломе спать». Есть там про редьку, репку, редиску, морковь. Я давно слышу это произведение в рок-обработке, через год мы сделаем ее с Эриком Клэптоном, Марком Нопфлером, Пако де Лусия и Джоном Вильямсом. Они уже согласились. Две электрические и две классические гитары. Уникальные музыканты! Кому же еще я позволю играть Баха! Будут концертные записи, идут переговоры с MTV. Эта музыка может трансформироваться в любую оболочку без ущерба для содержания.

Бах не обидится?

Ой, да он счастлив будет. Кайфовать будет, плясать! Ну правда же. Поверь. Я не люблю дешевых и скороспелых вещей. Это все продумано, взвешено, тысячу раз отложено и снова поднято.

Когда приедешь опять?

У меня нет расписания на много лет вперед. В прошлом году, когда в памяти было свежо 11 сентября, звонят мне из Карнеги-холла. Закаывают Шопена на 2006 год. Спрашивают: «А вы уверены, что Карнеги-холл сохранится до 2006 года?» Я уж о себе не говорю... Дело не в расписании, надо начинать с отделения и служения. Уважать себя, свое искусство. Тогда вся эта рыночная мельница постепенно исчезнет. 18-летний виртуоз после конкурса не может продавать свое мастерство, свои мысли: у него их нет. Пусть послужит 20—30 лет, тогда ему закажут «Гольдберг-вариации» и заплатят сто лунидоров в серебряном бокале. А сначала докажи, что ты служишь, что тебя музы любят, что ты полезен обществу. Тогда оно положит перед тобой золотого телца. Передо мной положило же. Я проверил это опытом и имею право так говорить. А мог бы подохнуть швейцарским бомжом или закончить дни в долговой тюрьме.

газета

обманувший КГБ

Пианист Андрей Гаврилов родился в 1955 году. Первоначально обучался у своей матери, ученицы Генриха Нейгауза, затем был студентом Льва Наумова. После победы на Международном конкурсе имени Чайковского регулярно выступал за рубежом. Окончательно покинул СССР в 1985 году. Постоянно живет в Швейцарии, последние три года активно выступает в России. Утверждает, будет лишь два человека смелее обмануть Филиппа Бобкова — правую руку Юрия Андропова: Солженицын и Гаврилов.